

А.Ю. Антонов (Москва, Россия)

Поэтика од В.В. Капниста на смерть Г.Р. Державина

Аннотация: В статье рассматриваются особенности поэтической техники, использованной В.В. Капнистом в цикле од на смерть Г.Р. Державина. Показано, как с помощью приема соотношения обращений во втором и в третьем лице Капнисту удается изобразить борьбу мыслей лирического героя, где как бы в потоке сознания, обращенном к образу почившего Державина, чередуются объективное и субъективное, «лирическое» и «гражданское».

Ключевые слова: В.В. Капнист, Г.Р. Державин, лирика, оды на смерть, поэтика

А. Yu. Antonov (Moscow, Russia)

The Poetics of V.V. Kapnist's Odes on the Death of G.R. Derzhavin

Abstract: The paper analyses the poetic technique used by V.V. Kapnist in the cycle of odes on the death of G.R. Derzhavin; it is shown how Kapnist uses the combination of addresses in the second and third person as a device to depict the struggle of the poet's thoughts, where, as if in a stream of consciousness turned to the image of the deceased Derzhavin, the objective alternates with the subjective, the personal with the universal.

Key words: V.V. Kapnist, G.R. Derzhavin, lyrics, odes on the death, poetics

Во многих одах Капниста, где затрагивается тема поэзии, автор актуализирует поэтическое наследие известных, преимущественно античных, поэтов, которые в конце XVIII в. воспринимались как «классики»: Горация, Ломоносова, Пиндара, Анакреона.

Особняком среди пантеона этих почивших поэтов стоит Г.Р. Державин, другом и соратником которого долгое время являлся Капнист¹. Это личное знакомство наложило на образ Державина, воссозданный в лирике Капниста, особый отпечаток эмоциональности, интимности, чуждый как бы «холодным», «каноничным» образам других великих поэтов.

Г.Р. Державин умер 8 июля 1816 г. Уже 15 числа Капнист посвящает его памяти следующие строки в оде «Различность дарований»: «Равно велик, бессмертно славен, / Внушенный музами Державин / В златые струны ударял / И переходом

¹ Бабкин Д.С. В.В. Капнист. Критико-биографический очерк // Капнист В.В. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1960. С. 15–16.

в тон из тона / Горация, Анакреона / И Пиндара нам воскрешал»¹. Здесь заслуги недавно почившего Державина приравниваются к заслугам Ломоносова, не раз воспетого Капнистом как русского классика, равного по своему величию известным античным поэтам. А через месяц, 18 августа, Капнист создает стихотворение «На кончину Гавриила Романовича Державина», в котором вновь говорит о Державине как о поэте, заслужившим бессмертную славу. Пафос этих четырех коротких, но очень проникновенных и ярких строк показателен, ведь и Гораций, и даже Ломоносов к тому времени уже давно умерли, у них уже сложилась однозначная (по крайней мере, для поколения самого Капниста) литературная репутация, а вот Державина Капнист как бы «канонизирует», записывает в классики еще совсем недавно жившего поэта, своего современника.

Двойственность такого отношения к Державину (одновременно и как к другу и современнику, и как к бессмертному гению) ярко проявляется в трех последующих, более пространственных одах панегирического содержания, написанных в конце лета и осенью 1816 г.: это оды «На тленность», «Горсть земли на могилу благотворителя» и «Ода на смерть Державина». Общее содержание этих произведений сводится к выражению скорби по почившему поэту, восхвалению его поэтического таланта, а также заслуг, в особенности таких, как создание религиозной и гражданской поэзии, которую Капнист мыслит высшим родом поэтической деятельности.

Но интересен этот ряд од, объединенных общей идеей, не столько своим содержанием, сколько особой поэтической техникой, долженствующей это содержание подкрепить и упрочить. А именно – Капнист стремится «объективизировать» высокую оценку, даваемую им державинскому наследию; лирический герой этих стихотворений как бы «пытается побороть» в себе сопричастность (свойственную ему как частному другу Державина), избежать личного, эмоционального. Результатом такой установки становится сосуществование в одном тексте одновременно двух разнонаправленных интенций: эмоционально-экспрессивные обращения к Державину как к близкому человеку, «на ты», перемежаются со строками о нем в третьем лице, подобными тому, что мы встречаем у Капниста по отношению к великим поэтам ушедших эпох. Эти установки могут сменять друг друга внутри одного стихотворения, даже внутри одной строфы. В третьем лице обычно говорится о каких-либо объективных данных, например, о том, что Державин писал свою последнюю оду при непосредственной близости смерти, или о том, что его смерть – ужасная утрата для русской культуры. Примечательно, что проходящую лейтмотивом через все эти произведения идею о бессмертии державинского наследия Капнист тоже подает как объективную реальность.

Тем не менее обращения к Державину во втором лице, как к собеседнику (а Капнист утверждает бессмертие его души), столь часты и эмоциональны, что все, что сказано о Державине в третьем лице, невольно воспринимается как своего рода иллизм.

Итак, перейдем к рассмотрению этих од. Одна из них, ода «На тленность», как отмечает М.Л. Гаспаров², является «дописанным восьмистишием» Державина. Роль первой строфы этой оды играет последнее стихотворение Державина «Река времен в своем теченьи». За ней следуют еще две строфы по восемь стихов в

¹ Здесь и далее тексты В.В. Капниста цит. по изд.: *Капнист В.В. Избранные произведения*. Л., 1973.

² *Гаспаров М.Л. «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла // Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 192.

каждой, являющиеся идейным продолжением первой, разработкой философской образности, связанной с «рекой времен»: Капнист актуализирует эту затронутую Державиным онтологическую проблематику в применении к образу самого Державина, для которого она стала своего рода «лебединой песней»¹. Эту собственно капнистову часть стихотворения можно поделить на две части: на строки с 9 по 17 и с 18 по 24 – в зависимости от того, в третьем или во втором лице Капнист говорит в них о Державине» И действительно, на примере этого не очень пространного текста хорошо заметно, что третья строфа (где превалирует обращение к Державину во втором лице) заметно более ярка и выразительна, чем вторая. На это влияет и смысл этих строф: в третьем лице говорится об уже совершившемся, о реальном – о том, как Державин писал свое последнее произведение. Совершенно очевидно, что эти строки отнюдь не могут служить документальным свидетельством о создании этого державинского шедевра: они нарочито проникнуты трагическим пафосом («И в миг, как хладною рукою / Уж лиру смерть рвала из рук, / Так громкой он издал струною / Пленительный последний звук»); более того, они противоречат своим содержанием другому свидетельству Капниста, авторскому комментарию к другой оде этого цикла: «Сочинитель, оставя покойного 7-го числа июля сего 1816 года в совершенном почти здравии, 10-го того же месяца возвратился в Званку, дабы проводить тело его <...>, где оно ныне покоится». Такой пафос является своего рода маркером «холодности», «официальности»: он соответствует тому авторскому стилю, которым Капнист всегда пользуется при разговоре об античных классиках. Закономерно использование и соответствующей образности: «лебедь» (ср. «пиит-лебедь»); «Пиндар российский»; «полет к гробу»; «хладная рука» смерти; «лира»; «звук прольется»². Напротив, в 3-й строфе, в которой провозглашается бессмертие Державина, используются оригинальные образы: «всежруща тлень», «пока ось мира не падет» и «Времен над реюющею бездною / Венок твой с лирою всплывет». И если первые два образа довольно частотны для поэтического языка рубежа XVIII–XIX вв. (но не для Капниста), то вот образ «всплывающего» венка довольно необычен. Это своего рода синтез двух онтологических образов: образа венка (т.е. прежде всего славы) и образа «реки времен», чье губительное течение слава Державина сможет преодолеть.

В другой, июльской оде «Горсть земли на могилу благотворителя», изданной отдельной брошюрой, которую в этом издании предваряло посвящение «Друзьям Державина»: «И вы его любили, / И дружества слезой / Вы прах его почтили; / Вам стих печальный мой / Я посвятить желаю, / В нем чувства моего / Я тень изображаю – / Примите вы его», – еще нагляднее виден прием чередования обращений к Державину во втором и третьем лице. Именно в этой оде такое решение всего явственней приводит к передаче ощущения борьбы двух интенций – личной и надличной – в сознании лирического героя. Перед читателем как бы запечатлевается последовательная смена разнонаправленных мыслей, отображенная на бумаге: в этом контексте нетривиально воспринимается и пространное своего рода «лирическое отступление» (3–6 строфы), сильнее отстоящее от непосредственно образа Державина, чем все другое, сказанное в этой оде. Здесь (в 3–4 строфах) мысль лирического героя, в предыдущей строфе говорящего о похоронах Дер-

¹ «Так лебедь пел, Пиндар российский...».

² О раскрытии темы водной стихии (в том числе и «реки времен») через слова с семантикой «течения» в языке поэтов XVIII в. на примере поэтики Г.Р. Державина см.: *Левицкий А.А.* Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. СПб., 1996. Т. 20. С. 47–71.

жавина-друга, направляется на новый виток рассуждения о личной стороне этой прискорбной утраты, актуализируя образ цветка (с которым метафорически отождествляет себя герой) из известного романса Жуковского¹. Точно так же 5–6 строфы представляют собой эмоциональное рассуждение о смерти как таковой, что сменяется выводом о бессмертии Державина как человека: «Кто мыслью с богом съединился». Показательно и начало оды (1–2 строфы), где стихи с 1 по 7 и с 15 по 20 содержат обращения к Державину во втором лице и исполнены чувства личной скорби и утраты человека из ближнего круга, проводившего великого поэта в последний путь и ныне пытающегося самому, при помощи поэзии, почтить его память и выразить свою скорбь. А с 8 по 14 стихи заключают в себе объективные тезисы, например: «Державин в вечность преселился, / И я над прахом слезы лью», – или: «Петь радости ... легко, отрадно, / Петь горесть... лиры звон молчит». Примечательно и окончание оды, где происходит своеобразный синтез субъективного и объективного: личное начало (обращение к Державину тут от второго лица и полно ораторских и риторических средств выразительности) здесь как бы усваивает «надмирные» черты объективности, что приводит к тому, что Капнист, актуализируя державинского «Бога», провозглашает бессмертие Державина через божественное величие:

Ликуй, дражайша тень, в чертоге
Творца и бога твоего!
Ты мыслить здесь дерзал о боге,
А там ты пред лицом его.
Но мы во тьме блуждать остались
И в прахе, где поднесь скитались,
Не сыщем места отдохнуть,
Пока, оконча путь страданий,
Испивши чашу слез, рыданий,
Мы удостоимся заснуть.

Но ты заснул... и всем ли можно
Тебе подобно кончить век?
Блажен, блажен стократ неложно,
Кто так, как ты, свой путь протек.
Ты жизнь небесную вкушаешь,
Ты жив, – ты с нами обитаешь!
Тобой в сей миг внушенный я
Твой стих здесь повторить дерзаю,
В восторге чувства восклицаю:
«Жив бог! – жива душа твоя!»

Следует также отметить, что этот эмоциональный порыв маркирован большим количеством форм местоимения «ты», обращенных к Державину; такого их сосредоточения больше нет нигде у Капниста, причем, как мы видим из приведенного выше отрывка, их частотность к кульминации возрастает, как бы обрамляя самую идейно значимую строку, аллюзию на державинскую оду «Бог»: «Жив бог! – жива душа твоя!»

¹ Об этом претексте см.: Четвертных Е.А. «Ода на смерть Державина» В. Капниста: к вопросу о жанровой номинации // Дергачевские чтения-2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. Т. 1. Екатеринбург, 2009. С. 66–67.

Все то же мы видим и в «Оде на смерть Державина», представляющей собой своего рода «речь над могилой». Построена эта ода по такому же принципу, что и «Ода на тленность», где первая строфа заключена в кавычки и как бы является «чужой речью», триггером для рефлексии лирического героя, на который он откликается пространным рассуждением, заключенным в последующие строфы (в «Оде на смерть Державина» их 12). Однако если первая строфа оды «На тленность» является известной цитатой из Державина, то первая строфа «Оды на смерть Державина» принадлежит самому Капнисту: это реплика от лица муз, ответом на которую становятся слова поэта, составляющие большую часть текста.

В этой взятой в кавычки строфе поднимается проблема смерти Державина как утраты; эта же тема развивается в последующих 6 строфах, где речь о Державине ведется в третьем лице, и это закономерно, ведь говорят о нем как о покойном. Но все меняется в 7 строфе: Капнист здесь обращается к державинскому поэтическому наследию; он «вспоминает» образ державинского водопада, и эта рецепция как бы «воскрешает» Державина: дальше к нему уже обращаются во втором лице, как к живому, как к собеседнику. Перечисляя его главные поэтические заслуги, герой Капниста не дает лире Державина «навек умолкнуть», а ведь именно в этом и заключается бессмертие поэта.

В заключение необходимо отметить главную особенность поэтики од Капниста на смерть Державина: с помощью чередования эмоциональных обращений к Державину-другу во втором лице с элементами «объективного» описания в третьем лице Капнист намеренно изображает борьбу разнонаправленных интенций в мыслях лирического героя, где как бы в потоке сознания, обращенном к образу почившего Державина, чередуются объективное и субъективное, «общее» и «частное».

ЛИТЕРАТУРА

Бабкин Д.С. В.В. Капнист. Критико-биографический очерк // Капнист В.В. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1960. С. 12–69.

Гаспаров М.Л. «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 153–193.

Капнист В.В. Избранные произведения. Л., 1973. 616 с.

Левецкий А.А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. СПб., 1996. Т. 20. С. 47–71.

Четвертных Е.А. «Ода на смерть Державина» В. Капниста: к вопросу о жанровой номинации // Державские чтения-2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. Т. 1. Екатеринбург, 2009. С. 63–67.

REFERENCES

Babkin D.S. V.V. Kapnist. Critical and Biographical Essay. In: Kapnist V.V. Collected Works: In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad. 1960, pp. 12–69.

Gasparov M.L. Mandelstam's "Slate Ode": The History of the Text and the History of Meaning. *Philologica*. 1995. Vol. 2. No 3/4, pp. 153–193.

Kapnist V.V. (1973) Selected Works. Leningrad. 616 p.

Levitsky A.A. Derzhavin's Image of Water and the Image of the Poet. *XVIII Vek*. St. Petersburg. 1996. Vol. 20, pp. 47–71.

Chetvertnykh E.A. "Ode on the death of Derzhavin" by V. Kapnist: On the Issue of Genre Nomination. In: Dergachev Readings-2008. Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities. The Problem of Genre Nominations: materials of the IX International Scientific Conference. Vol. 1. Yekaterinburg. 2009, pp. 63–67.

Сведения об авторе:

Александр Юрьевич Антонов,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander Yu. Antonov,
master student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alexander.a11@yandex.ru